
Сергей ЗЕЛЬДИН

РАССКАЗЫ

ВАСИСУАЛИЙ ЛОХАНКИН И ЕГО РОЛЬ

Могли ли новый клуб железнодорожников построить за полгода, пусть бы брильянты нашлись сразу же после покупки стула завхозом товарищем Красильниковым? Вряд ли. Может, строили бы и недолго, года три. Но уж на изъятие ценностей из стула, опись-пропись, экспертизу, оценку, клянченье у государства своей доли, да на подготовку и утверждение сметы, да на проект ушли бы лет пять, не меньше.

Нет, построить никак не успели бы к зиме. А то, что все-таки построили, просто было нужно по ходу действия.

Но вообще, «12 стульев» и «Золотой теленок» исполнены такой жизненной правды, такой логичности в психологичности, что только рукой махнешь, да и пойдешь.

Например, правдиво, что на всем этом деле со стульями заработал один только паразит и таракан Коробейников, как оно в жизни и бывает, не считая, конечно, государства.

Соответствует реальным обстоятельствам, что родителей Остапа не осталось в живых, а они были перемолоты жерновами революции — и мать, польская графиня, и папа — турецкоподданный. Если, конечно, они еще раньше не умерли во время одесского погрома.

Дмитрий Быков, Хранитель Истины, поверг идолов и раскокал скрижали, сообщив, что Ильф и Петров — это вообще не писатели, а так, пописывающие журналюги. Несмотря на мое преклонение перед Дмитрием, который однажды в телестудии, закинув толстенную ляжку в шортах на ляжку, милостиво разрешил Кафке быть гением, а вот Набокову нет, — несмотря на Дмитрия, я вынужден заступиться и сказать, что Ильф и Петров не просто настоящие писатели, но и замечательные сатирики. Так надругаться над служителями культа, как они со своими отцом Федором, ксендзом Кушаковским и патером Морошеком, удавалось только Свифту в лучшие годы. А то, что они сделали с дворянством в лице его предводителя, так это вообще убийство и не имело примеров.

Лежа на диване в позе Васисуалия Лоханкина, я перелистываю любимую книгу, разглядываю рисунки Кукрыниксов и думаю об Ильфе и Петрове. Я часто о них думаю. И если бы меня пустили тихонько посидеть в уголке на стуле и дали бы поглядеть, как они ссорятся из-за фразы, которую я знаю наизусть, то я легко бы отдал за это остаток своих дней. Но этого, скорее всего, никогда не будет, и это, конечно, только мечты.

Сергей Леонидович Зельдин родился в 1962 году в Краснодарском крае, станица Ярославская. Работал стеклодувом, был бизнесменом, инкассатором, политиком. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Волга», «Сибирские огни», «Слово/Word», «Журнал Вадима Ярмолинца», «Новый берег», «Крещатик», в интернет-издании «Чайка». Живет в городе Житомире (Украина).

Уже тогда у них спрашивали: «Когда же, товарищи, вы порадуете нас какими-нибудь „Новыми похождениями Остапа Бендера“ или побалуете к Первому мая эдаким „Возвращением золотого тельца“?» На что Илья Арнольдович презрительно улыбался, а Женя говорил, смущаясь, что вот, мол, не пишется больше, дорогой товарищ! Слишком уж много мы вложили в эти две книжечки. И, словно извиняясь за низкую плодovitость, добавлял: «Там бы и на двадцать романов хватило!» И это была совершенная правда. Отец Дюма из одной истории Васисуалия Лоханкина или, допустим, «Союза с Мечи и Урала» выжал бы не меньше чем дилогию, а то и трилогию, перенеся действие в XVI век. Это не я придумал про Женю и про двадцать романов, а это живой очевидец. Этот очевидец и современник, фамилия которого слишком известна, чтобы я ее называл, часто сиживал у Ильфа и Петрова в маленькой комнатке на шестом этаже в Соимоновском проезде Кропоткинского переулочка, когда они работали и помогал им острыми шутками и дружескими советами. На что авторы ничего не говорили, а только слабо улыбались и просили его уйти добром.

Да, между прочим, М. А. Булгаков тоже получил на орехи от неумного эстета Д. Быкова. Отдавая, в принципе, должное этому скандальному автору и скупое похвалив одиозный опус «Мастер и Маргарита», Дмитрий все же не мог не отметить, что глава про бал у сатаны — это верх пошлости и безвкусицы и он бы написал ее совсем не так, а намного лучше. Мне так нравится работа Д. Быкова, что я тоже решил уйти из сторожей в критики, музыкальные и художественные, и заявляю для начала, что пресловутая «Мона Лиза» этого идиота Леонардо да Винчи — дутая пошлость и безвкусная однодневка, потому что у хваленой Моны на лице налицо полное отсутствие бровей и ресниц. И я бы смог нарисовать получше, если бы умел рисовать.

Ничего не зная о грядущем Дмитриевом суде, Ильф, Петров и Булгаков легкомысленно пописывали в «Гудке». Ильф с восхищением отзывался о работе Булгакова и через десять лет со смехом пересказывал сюжеты и выражения булгаковских фельетонов. А Булгаков, наверное, тоже хорошо относился к Ильфу, хотя, вообще-то, не любил, когда кто-то писал не хуже него. А Зощенко Ильф с Петровым уважали как старшего, гораздо их талантливейшего товарища. Молодцы!

Не знаю, в каких отношениях находились Евгений Петрович и Илья Арнольдович с Иосифом Виссарионовичем — в таких, как Булгаков, или получше, — но, судя по тому, что оба работали в «Правде» фельетонистами, скорее в хороших. Но, несмотря на хорошие отношения с Лучшим Другом писателей, их книгу все же, очухавшись, «положили на полку». И это хорошо, потому что лежание «на полке» есть привилегия замечательных книг. Я бы сказал, что это так же почтенно, как похороны Вивальди, автора популярнейшей «Грозы», уморенного венскими жлобами и похороненного на кладбище для нищих. Не имею ничего против нищих, но там у них, в Вене, это было прямо что-то нездоровое — то Вивальди, то Моцарт.

Советский строй, которому служили своими талантливыми перьями Илья Ильф и Евгений Петров, погиб. Погиб, как товарищ Бендер, прирезанный чокнутым Кисой. Кто-то скажет, что это хорошо, а кто-то, что и плохо. Я лично думаю, что жалеть о случившемся — пустые разговоры. Как писал Кафка: «...все, что возможно, происходит; возможно лишь то, что происходит.»

Верю, приходится верить, ибо других вариантов больше не осталось, что общество потребления — высшая, прекраснейшая и наиболее естественная форма существования белковых тел, и желаю телам всяческих успехов на этом пути.

Я же пройду оставшееся мне с Остапом-Сулейманом, Авессаломом Изнуренковым и с Васисуалием Андреевичем Лоханкиным, помогшим мне познать себя.

ДИТЯ СОЛНЦА

Коллеги на работе называли Анатолия Ефимыча за глаза таким прозвищем, что неприлично писать; соседи — Примороченным.

Если бы Анатолий Ефимыч узнал о таком, он бы крайне удивился — он полагал, что все относятся к нему с симпатией и боязливым почтением за его нездешнюю интеллигентность и, как говорится, старорежимный лоск.

Жена у него когда-то тоже была мечтательной, лиричной. Любила акмеистов и каждую осень прибегала домой с криком:

— Снег, Анатоль, снег! Взгляни на это чудо!

Анатолий Ефимович глядел в окно, как там пролетали первые, сразу тающие снежинки, и радовался, что у него такая тонкая, поэтичная, как Аэлита, супруга.

Как вдруг, ближе к тридцати пяти, Веточку словно подменили. Она перестала любить имажинистов, стала хандрить, ругаться и кричать, что устала жить, как бомжиха, как какая-то мидинетка, с каким-то ничтожным дураком, что она так и умрет, никогда не ступив на мостовые ни Парижа, ни Флоренции, и вскоре вышла замуж за какого-то базарного бизнесмена по кличке Бизон.

Немало подивившись такому повороту, Анатоль Ефимыч стал жить один в своей однокомнатной квартире.

Он был сегодня выходной, лежал на мамином диване и смотрел на светлую штору. Штора колыхалась, едва сдерживая солнечный ветер.

Было ужасно душно. Он лежал обнаженный и обмахивался мохнатым веером, который Веточка когда-то купила в секунд-хенде к своему маленькому черному платью.

Постепенно солнце зашло за угол дома, и на штору пала тень.

Это навело Анатолия Ефимыча на мысль, но он ее упустил.

Он прекрасно понимал, что при его внутреннем мире он может быть только одним — писателем, а не сторожем. Но хотя и сторожем было хорошо, учитывая график «сутки-трое».

Тем более что многие писатели несли такую двойную нагрузку, или, другими словами, носили двойную личину: Чехов был доктором, Горький — бродягой, Достоевский — каторжанином.

Анатолию Ефимычу было уже за пятьдесят три, он уже «отстоялся», как говорят писатели, и чувствовал все нарастающий зуд творчества. Толстой говорил: «Можешь не писать — не пиши». Анатолий Ефимыч больше не мог.

Он лежал, и комната потихоньку наливалась сумерками. Он думал, о чем писать. Хотя он и отстоялся, но о чем писать, точно не знал. Вроде бы обо всем уже было написано предшествующими писателями.

За окном мальчик кричал:

— Са-ня! Я нашел пять гриваков!

Другой кричал ему издалека:

— П...ди-шь!..

Анатолий Ефимович встал, прошелся босиком по теплым половицам и поел из холодильника трехдневную клубнику, плавающую в сиропе. Потом выпил и сироп.

В окно блеснуло солнце и скрылось за общагой стекольщиков.

Анатолий Ефимыч ударил себя по лбу ладонью, быстро побежал в комнату, как был, голым, сел за стол, включил настольную лампу и раскрыл общую тетрадь, давно уже купленную и только ждавшую прилива творческого вдохновения.

Анатолий Ефимович очень любил фантастику. Другие книги тоже, в частности детективы Корнея Лукича, романы ужасов Стивена Кинга, но в основном фантастику.

В детстве он бредил «Головой профессора Доуэля», «Человеком-амфибией» и «Человеком-невидимкой».

А в юности прочел «Солярис» и был поражен, что нас ждет в космосе.

Он склонялся стать писателем-фантастом с космическим уклоном.

Перебирая по очереди все планеты Солнечной системы, обшаривая дальние закоулки Вселенной, везде он находил следы писателей, побывавших там прежде, даже в туманности Андромеды и на загадочной тау Кита.

Сейчас же, увидев, как солнце зашло за угол, он понял, о чем будет писать. Это было мгновенной вспышкой, цунами в мозгу или, как говорил Стендаль, «кристаллизацией».

Анатолий Ефимыч схватил шариковое перо и застрочил:

ДЕТИ СОЛНЦА.

(фантастический роман)

Глава 1. Долетим мы до самого Солнца и домой
возвратимся скорей

Не раньше и не позже, а по всем расчетам космическая станция подлетела к Солнцу и стала описывать круги вокруг нашего светила, фотографируя и делая замеры.

Эту телеметрическую информацию уже давно жаждали земные ученые.

Но вот какое неожиданное препятствие встало перед исследователями: возле Солнца радиация оказалась такой жесткой, что даже радиосигнал приходил радиоактивным, и с ним опасно было иметь дело...

Анатолий Ефимыч счастливо засмеялся: «Ай да Толик, ай да с... кот!» — и продолжил строчить дальше:

...Когда сигнал из глубин космоса был профильтрован и обеззаражен, его расшифровали.

Каково же было изумление ученых, изумление, граничащее с УЖАСОМ, когда на фотографиях они четко различили не только огненные реки и моря в темных пятнах, но и поля, каналы и, наконец, О БОГИ!!! — города и села, явно населенные неведомыми солнечными обитателями!..

Анатолий Ефимыч ерзал на стуле, слизывал соленую каплю из-под носа, перебирал босыми пятками, хохотал и бледнел от вдохновения — он знал, он чувствовал: роману — быть!

Страница исписывалась за страницей, и к утру уже половина тетрадки была покрыта неразборчивыми каракулями гения.

Оставалось только как-то половчее оборвать любовную линию между нашим космонавтом и жрицей храма Солнца, или, по-ихнему, Кукумакой...

Утром директор приказал Анатолию Ефимычу выкосить бурьян возле забора.

Старательно взмахивая тупой косой, раз за разом втыкая ее в землю, Анатолий Ефимыч ликовал и, иногда взглядывая на солнце, думал: «А вот никому говорить не стану, ни соседям, ни знакомым, ни Михайле Степанычу, пока не получу гонорар! Стивен Кинг тоже уже получал миллионы, а все еще работал в прачечной — и я так же!»

Веточку он еще ночью решил простить и принять назад с детьми.

Солнце пекло все больше. Сегодня обещали плюс тридцать пять.

КИНО МОЕГО ДЕТСТВА

В детстве я видел один маленький узбекский фильм. Его показывали в кинотеатре «Родина» перед «Фантомасом».

Я запомнил Фантомаса, потому что в проходах стояли стулья, принесенные из фойе. Такое я видел потом еще только один раз — на «Лимонадном Джо». На стульях сидели какие-то отчаянные личности, которых не остановило даже полное отсутствие билетов.

И вот перед «Фантомасом» пустили маленький узбекский фильм.

Это была революционная агитка в стиле Демьяна Бедного, неизвестно по какой причине пришедшая в голову ее создателям на пятьдесят пятом году советской власти. Она имела бы смысл в году 1920-м и, надо думать, сыграла бы свою роль в борьбе с басмачеством, если бы ее крутить перед басмачами по аулам и караван-сараям. Но теперь, в 1972 году, когда советская власть уже прочно укрепилась на местах, этот фильм выглядел довольно странно.

Но зрителям было все равно, они пришли на Фантомаса и были согласны оттянуть момент блаженства, чтобы оно стало потом еще острее.

В те времена перед главным фильмом пускали еще что-нибудь коротенькое — для разогрева публики. Собственно, разогревать ее было не нужно, скорее, наоборот, но эти коротенькие фильмы и киножурналы призваны были, помимо прочего, зрителя развить и воспитать.

Лучше всего ценились киножурналы, особенно «Фитиль»: на экране возникал дощатый ящик, к которому подбирался горящий фитиль; фитиль догорал, ящик взрывался, и под веселую музыку начинались сатирические сценки в духе «Крокодила».

Еще хорошо было посмотреть киножурнал для детей «Хочу все знать!»: мультяшный мальчик — Знайка в берете — на каждом слове бил молотом по огромному грецкому ореху: «Хочу!.. все!.. знать!» — с последним ударом орех раскалывался, и из него облачком выплывали цифры и буквы: «Выпуск № 167».

Но шло кое-что и похуже «Фитиля» — зарубежные новости об американской военищине, о пещерном антикоммунизме и Анджеле Дэвис; что делать, когда начнется химическая, бактериологическая или атомная война, и как откачивать утопленников. А иногда пускали все, что попало под руку, лишь бы заполнить эти десять-пятнадцать минут перед фильмом. Не было случая, чтобы фильм начали без этого вступления-разогрева.

Зрители так привыкли к этому разогреву, что если бы фильм пустили сразу, это отняло бы половину удовольствия. Поэтому узбекский фильм смотрели с благожелательным вниманием.

Я запомнил его на всю жизнь: некий бай (дореволюционный узбекский помещик) вдруг ни с того ни с сего решил, что он плевать хотел на народ, что обойдется и без него, а питаться будет одними дынями.

Яркими красками была в фильме передана радость глупого бая, что он избавился от народа. Бай даже станцевал что-то национальное вокруг целого кургана из дынь.

Первая пара дынь зашла легко, но уже на третьей бай стал задумываться и вспоминать шашлык.

В конце концов народ простил этого дурачка помещика, похожего на Плохиша в тюбетейке, снова взял его на довольствие, и он вернулся к нормальной байской жизни, убедившись на своем опыте, что без народа — труба.

Прошу мне верить — сюжет был именно таков.

Помню сильное влияние на меня фильма — я вместе с баем ощутил животную радость, когда он вцепился зубами в шашлык после пятой дыни.

С тех пор в Туркестан давно уже вернулся старый добрый феодализм, но я уверен, что нынче, после семидесяти лет советской власти, новые баи, баи XXI столетия, относятся к дехканину гораздо мягче, чем во времена Ходжи Насреддина.

А еще у меня так и стоят перед глазами хитрые рожи узбекских кинематографистов.

Впрочем, рожи могли быть таджикскими или киргизскими, я не уверен.

Странно, что из всех фильмов, которые я посмотрел в детстве, мне запомнились самые дурацкие и, что характерно, совсем недетские.

По краю сознания прошли такие знаменитые киношедевры, как «Армия Трясогузки», «Армия Трясогузки снова в бою», «Золотые часы», «Варвара-краса, длинная коса», но зато я прекрасно запомнил иранский фильм, название которого забыл.

События в фильме разворачивались так давно, что в Иране еще правил шах Реза Пехлеви. Герой фильма, усатый юноша, носился по узким улочкам Тегерана на мотоцикле, постоянно ввязываясь в любовные приключения и индийские драки. В одном месте даже показали полуодетую иранскую девушку. Черт возьми, весело же жилось в Иране, пока не приехал аятолла Хомейни!

Разумеется, все эти замечания я сделал уже гораздо позже, будучи взрослым, благо фильм я запомнил отлично.

Вообще, много странного, загадочного, нездешнего кино показывали в старину. Можно было подумать, что кинематографы всех экзотических стран назначили себе как бы рандеву в советских кинотеатрах. Посмотреть фильм Бангладеш или Иордании можно было так же свободно, как сейчас голливудский.

Нельзя сказать, чтобы это кино шло на ура, скорее оно шло в нагрузку к другим, более привычным фильмам.

Термин «в нагрузку» пришел в кинопрокат из торговли: если вы покупали в промотоварах более-менее полезную вещь, например будильник, то к нему в нагрузку обязаны были купить что-нибудь еще, например пакетик синьки. А если вы по каким-то причинам не хотели покупать синьку, то вам не продавали и будильника.

Впрочем, народ с пониманием отнесся к этой новости торговли и не возмутился — покупка в нагрузку была символической, и, кроме того, как знать, вдруг бы вам действительно завтра понадобилась синька или сувенирный олень, фосфорно светившийся на тумбочке в ночном мраке.

Поэтому фильмы развивающихся прогрессивных стран все же находили своего зрителя.

Если же привозили новый фильм с Бельмондо или Пьером Ришаром, то сначала билеты распределялись среди трудовых коллективов через заводские профкомы. Раньше чем через неделю попасть на «Укол зонтиком» можно было и не надеяться, да и потом кассы штурмовались, как шлюпки на тонущем «Титанике».

Но так хотелось в этот скучный осенний вечер попасть хоть куда-нибудь, и зритель, разгоряченный неудачей с «Уколом зонтика», потоптавшись у афиши, все же шел на «Мазандаранского тигра» производства Ирака или на «Вива, Залата!» — чудовищную сагу о похождениях египетского Зорро.

И это было хорошо! Просто замечательно! Я вам могу сказать, положила руку на сердце: я покупал бы синьку пудами, я бы смотрел по черно-белому «Изумруду» «Капитана Тенкеша» — если бы кто-нибудь скостил мне хотя бы сорок лет!